

предложения. Например, если оно подлежащее, то второе предложение будет в функции подлежащего, если сказуемое, то в функции сказуемого и т.д.

Имеются такие предложения во втором виде бессоюзных сложноподчиненных предложений: по смыслу как, говорит автор, они так же могут быть в функции подлежащего, сказуемого, дополнения и т.д.

Например: *Исемдә юк иде: бу сабан туе ничә көн булгандыр.*

Таким образом, придаточные сказуемые предложения привлекают еще меньше внимания, чем даже придаточные подлежащные.

М.З. Закиев в своей грамматике «Синтаксис современного татарского литературного языка» дает полное определение и подлежащим и сказуемым придаточным предложениям. Из аналитических он указал предложения с соотносительными словами, союзом *ки*, интонацией; из сказуемых – связанные при помощи соотносительных слов, соотносительных слов и союза *ки*, интонации.

Сравнив учебники начала и середины XX века, пришли к выводу о том, что в исследовании сложных предложений в 40-70-е гг. наблюдается большой подъем. Больше внимания обращается на аналитический тип предложений. Были названы новые виды придаточных: подлежащные и сказуемые, которые хотя и были выделены уже в 20-е годы, но до середины XX века не были признаны большинством лингвистов. Статус придаточных предложений они получили только в середине 50-х годов.

Литература

Рахимова, Л.М. Исследование аналитических конструкций в грамматиках татарского языка XX века. Диссертация на соискание уч. степени канд. филол. наук. / Л.М. Рахимова. – 2001.

Хангилдин, В.Н. Татар теле грамматикасы / В.Н. Хангилдин. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1959. – 642 б.

Ширалиев, М.Ш. Сложноподчиненное предложение в азербайджанском языке / М.Ш. Ширалиев // Вопросы языкознания. – Москва: Изд. Академии наук, 1956. – №1. – С. 93-99.

Губаева Маргарита Анатольевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-МЫСЛИТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ В ПОЭМЕ КУЛ ГАЛИ «КЫССА-И ЙУСУФ» (1233)

В статье рассматривается контекстуально-семантическая представленность имён существительных, выражающих в тексте памятника «Кысса-и Йусуф» понятия «ум» (җақл), «разум» (фәһем), «знание» (ғилм),

«мысль» (**сақынч**), «память» (**хәтер**). Приведены диахронические наблюдения за изменением/сохранением семантической нагрузки при функционировании указанных языковых единиц в современном татарском языке.

Ключевые слова: Кул Гали, Кысса-и Йусуф, тюрко-татарский язык, татарское языкознание, внутренний мир человека, контекстуально-семантический анализ.

The article deals with the contextual-semantic realization of the nouns which considers person's meaning in the text of 'Kyssa-i Yusuf' like 'cleverness' ('aql), 'mind' (fehм), 'knowledge' ('ilm), 'a though' (saqinč), 'memory' (natr). Diachronic semantic changes of the mentioned linguistic units in the modern Tatar language also discussed.

Key words: Qul 'Ali, Kyssa-i Yusuf, Turkic-Tatar language, Tatar linguistics, inward person, contextual-semantic analysis.

В статье предметом исследования были выбраны имена существительные, выражающие в тексте произведения Кул Гали умственные и мыслительные способности персонажей (т.е. явления интеллектуально-мыслительной сферы). При изучении языкового выражения указанных явлений выявлены следующие единицы: **фақл**, **һуш**, **фәһем**, **ғилм**, **хикмәт**, **хәтер**, **сақынч**, **гәман**, **андишә**.

Существительное **фақл** араб. 'ум, разумение' [СЯ, 1971: 556] и 'ум, разум' [ДТС, 1969: 49] функционирует в тексте с различными семантическими оттенками. **Фақл** – это ум как проявление умственных способностей человека и результат обладания знаниями. Данная семантика зафиксирована исключительно в интеллектуально-мыслительной сфере Йусуфа, показывая, что Йусуф – единственный среди персонажей поэмы обладатель «совершенного» ума. **Фақл** – это также разум как общая способность людей к восприятию реальных фактов и событий, отмеченная у Йусуфа и Зулейхи. Лексема **фақл** в современном татарском литературном языке (**акыл**) имеет значение 'ум, разум, рассудок; мысль, идея, совет' [ТРС, 2002: 27] и 'ум, разум, рассудок, интеллект; совет' [ТРС, 1966: 30-31]. Р.Р. Замалетдинов, исследуя репрезентацию концепта **акыл** в языковой картине мира носителей современного татарского языка, обращает внимание на объединение в нём «интеллектуального и нравственного начала» [Татарская лингвокультурология, 2012: 21-22].

Можно заключить, что семантика слова **фақл**, реализованная в языке поэмы «Кысса-и Йусуф», продолжает быть актуальной среди носителей современного татарского языка. Существенной следует считать следующую особенность – в тексте «Кысса-и Йусуф» не фиксируется значение 'совет' лексемы **фақл**, что эксплицирует представление об уме в языковом сознании средневекового тюрка как «собственности» человека, которую нельзя было передать другому даже в виде совета. Аналогичная идея сохранилась в татарском

выражении *үз акылыңны кешегә биреп булмый* букв. 'свой ум человеку дать невозможно'.

Персидское заимствование *һуш перс.* 'ум, разум' [СЯ, 1971: 684], встречающееся в тексте памятника в языковом портрете внутреннего мира Зулейхи, передаёт значение «разума как общей способности людей к восприятию реальных фактов и событий». Лексема *һуш* используется носителями современного татарского языка в значениях 'чувство, сознание, память; разум, рассудок' [ТРС, 2002: 469] и 'чувство, сознание, память, рассудок' [ТРС, 1966: 781]. Таким образом, в современном татарском литературном языке наблюдается выпадение из употребления значения ум.

Существительное *фәһем араб.* 'понятливость' [СЯ, 1971: 468] и 'разум, разумение, проницательность' [ДТС, 1969: 613] означает *разум* (как общую способность людей к восприятию реальных фактов и событий). Такая семантика реализуется в интеллектуально-мыслительной сфере Йусуфа и Зулейхи. Лексема *фәһем* в современном татарском литературном языке функционирует в значениях 'интеллект, разум; понимание, сообразительность, сметливость' [ТРС, 2002: 373] и 'интеллект, разум; понимание, разумение, рассудок' [ТРС, 1966: 609].

Заимствованное существительное *ғилм араб.* 'наука, знание' [СЯ, 1971: 566] и 'наука, знание' [ДТС, 1969: 208] выражает в языке исследуемого памятника понятие «знания», функционируя исключительно в описаниях Йусуфа, вербализуют знания, которыми обладает Йусуф. Кроме того, знания Йусуфа получают в выявленных контекстах маркированность божественного дара: (*Жәбраили виребди мәлик рәхман* [КЙ, 584¹ в]) *тәғбир ғилмен, хикмәт ғилмен жәмлә белди* [КЙ, 584² в] букв. '(Джебраила направил Всевышний) [Йусуф] овладел наукой толкования снов и мудростью'. Лексема *ғилм* в тексте произведения выявлена также в сочетании с существительным *хикмәт* (араб. 'мудрость' [СЯ, 1971: 678]), модифицируя понятие «знания» в «мудрость». Арабское заимствование *ғилм* продолжает активно употребляться в современном татарском литературном языке (*гыйлем*), сохраняя значения 'наука; знание' [ТРС, 1966: 119] и расширяя семантику до значений 'учение, просвещение' [ТРС, 2002: 84].

Лексема *хикмәт араб.* 'мудрость' [СЯ, 1971: 678] и 'мудрость; философия; мудрое изречение; поговорка; мудрое обоснование; смысл; знание медицины, врачевания' [АРС, 1994: 173] воплощает в тексте памятника, с одной стороны, понятие «мудрость», а с другой – некий внутренний смысл, присутствие которого герои осознают в тех или иных ситуациях. Семантическая реализация лексемы *хикмәт* как «мудрость» в тексте памятника апеллирует к внутреннему миру Йусуфа, выделяя его как одарённого в интеллектуальном плане персонажа. Кул Гали называет мудростью также жизненные уроки, через которые проходит главный герой. Лексема *хикмәт* в значении «скрытый смысл» выражает предвидение грядущих перемен персонажами поэмы «Кыс-

са-и Йусуф». Данная семантика представлена в описаниях Йагкуба, властителя Иерусалима, Тазги бинт-Табийун, купца-араба, Рейяна и братьев Йусуфа. Широта круга персонажей, воплотивших в себе указанную семантику, и отнесенность их к разным социальным кругам свидетельствует о том, что в средневековом тюрко-татарском обществе люди замечали отклоняющийся от обыденного ход событий и трактовали это как знак свыше. Арабское заимствование **хикмәт** используется носителями современного татарского языка в значениях 'мудрость, премудрость; сокровенный замысел, затаённый смысл, тайна; *перен.* чудо, чудеса; интересное зрелище' [ТРС, 1966: 612] и 'мудрость, премудрость; тайна, сокровенный смысл; *перен.* чудо, диво' [ТРС, 2002: 375]. Следовательно, семантика данного слова, зафиксированная в языке памятника первой половины XIII в. сохранилась по настоящее время.

Заимствованное существительное **хәтер** *араб.* 'память, сердце, душа; душевный покой' [СЯ, 1971: 494], 'мысль, душа' [ДТС, 1969: 637] и 'мысль, идея; соображение, понятие; ум; *мн.* умственные способности; душа; желание; *нар.* гость' [АРС, 1994: 211] выражает в тексте памятника различную семантическую нагрузку. Большое количество контекстов, репрезентирующих лексему **хәтер**, раскрывают значение «душа/ сердце», охватывая при этом внутренний мир братьев Йусуфа, Йусуфа, Зулейхи, Малика сын Дагира, купца-араба, Ибн-Йамина и др. Лексема **хәтер** функционирует также в значении «мысли». Данное значение отражено в интеллектуально-мыслительной сфере Йусуфа, Зулейхи, купца-араба и др. Языковая единица **хәтер** реализует также значение «память», зафиксированное в интеллектуально-мыслительной сфере Йусуфа, Зулейхи, Йагкуба. В современном татарском литературном языке лексема **хәтер** используется в значении 'память, восприятие' [ТРС, 1966: 622]. Таким образом становится очевидно, что в языке поэмы «Кысса-и Йусуф» семантика указанной языковой единицы шире, чем в современном татарском языке – в диахроническом срезе наблюдается сужение семантического наполнения данной лексемы.

Тюркское существительное **сақынч** *тюрк.* 'мысль; забота; задумчивость; намерение, желание' [СЯ, 1971: 264] и 'мысль, думы, размышление, помыслы; намерение' [ДТС, 1969: 486] в большинстве выявленных контекстов несёт в себе семантику *сомнения, подозрения и тревожных мыслей*, что обнаруживается в духовном мире Йусуфа, Йагкуба, братьев Йусуфа. Лексема **сақынч** в современном татарском языке не употребляется, однако сохраняет семантику в корнях на **са-**: **сан**, **сагыш** и др.

Заимствованная лексема **гәман** *перс.* 'подозрение, сомнение, предположение' [СЯ, 1966: 313] употреблена Кул Гали для передачи мыслей, сопряжённых с *сомнением* и *подозрением*; используется для описания интеллектуально-мыслительной сферы Йусуфа, его братьев, Малика сына Дагира, купца-араба и Зулейхи. В современном татарском литературном языке лексема **гәман** является малоупотребительной, в словарных статьях предлагается

с пометой *книжн.* Используется в значениях 'предположение, гипотеза, вероятность, догадка' [ТРС, 2002: 85] и 'гипотеза, вероятность; предположение, догадка, мнение' [ТРС, 1966: 121]; следовательно, в современном татарском языке семантика *сомнения* и *подозрения* утеряна.

Существительное **андишә** *перс.* 'беспокойство, тревога, опасение; размышление, раздумье' [СЯ, 1966: 55] передаёт значение *тревожных раздумий* в интеллектуально-мыслительной сфере Йусуфа и его братьев. В современном татарском языке лексема **андишә** не употребляется.

Результаты контекстуального анализа позволяют выявить два синонимических ряда **ғақл**, **һуш** и **фәһем** (общая семантика: *разум* как способность людей к восприятию реальных фактов и событий) и **сақынч**, **гәман** и **андишә** (общая семантика: *сомнения, подозрения, тревожные мысли*), элементы которых являются в тексте «Кысса-и Йусуф» идеографическими синонимами, способствуя более точному выражению мысли в тексте памятника и обогащению языка произведения.

Диахронические наблюдения дают основания утверждать, что некоторые лексические единицы сохранили сферу употребления (**һуш**, **фәһем**, **хикмәт**), некоторые даже расширили свою семантику (**ғақл**, **ғилм**), однако были обнаружены сужения семантической нагрузки лексем (**хәтер**, **гәман**) или выпадения из активного использования в языке (**сақынч**, **андишә**). Выявленная специфика даёт основание утверждать о наличии тесной связи современного татарского языка с языком памятника XIII века.

Небезынтересно также отметить активное развитие семантики тюркских слов в современном татарском языке. К примеру, нашедший в языке и, соответственно, в сознании татарского народа переход слова **сақынч** 'мысль; забота; задумчивость; намерение, желание' в **сагыш** 'тоска, грусть, кручина, печаль' свидетельствует об изменении мировоззрения, выраженном в смене семантики однокоренных лексем.

Литература

АРС: Арабско-русский словарь/ Х.К. Баранов. – Ташкент: «Камалак», 1994. – 912 с.

ДТС: Древнетюркский словарь/ В. М. Наделяев и др. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

КЙ: Кол Гали Кыйсса-и Йосыф. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1983. – 544 б.

СЯ, 1966: Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века/ Сост. Э. Фазылов. – Т. I. – Ташкент: Изд-во «Фан» УССР, 1966. – 651 с.

СЯ, 1971: Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века/ Сост. Э. Фазылов. – Т. II. – Ташкент: Изд-во «Фан» УССР, 1971. – 780 с.

ТРС, 1966: Татарско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 864 с.

ТРС, 2002: Татарско-русский словарь/ Под ред. Ф.А. Ганиева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. – 488 с.

Губаева, М.А. Лексическое поле «интеллектуальные способности человека» в языке поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали (1233)// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 12(54): в 4-х ч. – Ч. II. – С. 70-73.

Татарская лингвокультурология: концепты духовного мира человека/
P.P. Замалетдинов и др. – Казань: ИПК «Бриг», 2012. – 300 с.

Nurieva, F.Sh. Literary Language of the Golden Horde: Norms and Variations// Life
Science Journal. 2014. Vol. 10 (11). P. 713-717.

Гыйләжәва Светлана Фәһимовна

Казан (Идел буе) федераль университеты, Казан

ӘМИРХАН ЕНИКИ ТӘНКҮЙТЕНЕҢ ТЕМАТИКАСЫ ҺӘМ ЖАНР ТӨРЛЕЛЕГЕ

В данной статье расценивается деятельность знаменитого татарского писателя Амирхана Еники в области татарской литературной критики. Дается описание такого вида критической мысли, как критика писателей, которая является самым распространенным видом татарской литературной критики. В статье выделена основная тематика и жанры критики Амирхана Еники.

Ключевые слова: Амирхан Еники, литературная критика, критика писателей, тематика, жанр.

This article contains the main idea of the writer's criticism, such as the type of the literature criticism, which is the most popular type of the Tatar literature criticism. Amirhan Eniki is the talantest writers of Tatar literature. Also he was the critic, which could say his opinion about literature and culture.

Key words: Amirhan Eniki, literature criticism, writer's criticism, thematic, genre.

Бүгенге көндә татар әдәби тәнкүйте фән буларак формалашып жите: аның предметы, бурыч-максатлары, әдәби тәнкүйтенең төрләре, аның тарихи чорлары аерылып, өйрәнелә. Шул нисбәттән, тәнкүйтә профессиональ, язучы һәм укучы тәнкүйте аерым карала. Татар әдәби барышының үзенчәлекле ягы – ул язучы тәнкүйтенең популяр булуында. Әмирхан Еники тәнкүйди эшчәнлеге дә әдәби тәнкүйтенең шушы төренә карый.

Әдипне киң жәмәгәтчелек күбрәк язучы буларак яхшы белә, әмма аның публицистика өлкәсендәге хезмәтләре никтер бәяләнәп бетми. Әдәбият фәнендәге шушы бушлыкны берникадәр тулыландыру максаты белән бүгенге көндә безнең тарафтан Әмирхан Еникинең тәнкүйди эшчәнлеге тирәнтерәк өйрәнелә. Язучының тәнкүйди мәкаләләре тупланган өч китабы дөнья күргән: «Хәтердәге төеннәр» (1983) [1, 224], «Кояш баер алдыннан» (1996) [2, 192] һәм «Биектән карап торасым килә» (2009) [3, 215].

Билгеле, Еники профессиональ тәнкүйтәче түгел, әмма язучы тәнкүйте һәм профессиональ тәнкүйтә арасында Кытай стенаһы юк. Дәрәс, укый-яза беләп, үз күңелдәгесен каләм белән кәгазьгә төшерергә теләүчеләр саны күп.